

Полковник Гуров

Николай Леонов

Медвежий угол

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Медвежий угол / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

© Леонов Н. И.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

Медвежий угол

Глава 1

Гуров проснулся от тупой сверлящей боли в висках. В тишине гостиничного номера он явственно слышал, как бухает в груди сердце – в унисон с размеренными щелчками механического будильника, который предоставила в его распоряжение милейшая Алевтина Никаноровна, исполнявшая в этом «отеле» странную смесь обязанностей. Эта женщина совмещала в одном лице портье, коридорную и ответственного администратора. Ни в одной из этих ролей она, как и следовало ожидать, не преуспевала, но несколько этим не смущалась. Представления Алевтины Никаноровны о гостиничном сервисе застыли на уровне семидесятых годов двадцатого столетия, когда разрешение переночевать на жестком диване в неотапливаемом вестибюле могло сойти за акт милосердия, а холодная вода в номере рассматривалась как дополнительная услуга.

При всем том женщиной она была, несомненно, душевной и отзывчивой. Перед импозантным гостем из Москвы она ужасно робела и старалась угодить ему изо всех сил. Когда Гуров по столичной привычке мимоходом сообщил Алевтине Никаноровне о своем желании подняться не позднее шести часов, она приложила все старания, чтобы раздобыть для него исправный будильник. Мысль самой выступить в роли такого будильника не могла прийти ей в голову – женщины в поселке Накат не любили вставать рано, неважно, дома ли они находились или на ночном дежурстве.

Вообще, этот ничем не примечательный рабочий поселок, затерянный в лесной глуши по другую сторону Уральского хребта, показался Гурову местом тихим и непритязательным – самый настоящий медвежий угол. Медведи, правда, как успел выяснить Гуров, тут не водились – то ли охотники их повыбили, то ли зверь ушел из этих мест сам, не выдержав соседства тяжелой и прочей промышленности. В самом Накате до сих пор действовал комбинат по производству минеральных удобрений, а километрах в шестидесяти, за почерневшим от дымов лесом стоял крупный промышленный центр Светозорск, буквально наспигованный предприятиями самого широкого профиля. Здесь был и металлургический комбинат, и оборонное производство, и химические заводы – и все это чадило, воняло и наполняло свалки, окружающие город, разнообразными отходами своей деятельности. Звери первыми почувствовали дискомфорт и ушли поглубже в леса.

Люди были терпеливее, да и приспособливаться они научились к чему угодно. Правда, не все. Например, даже в сонном поселке Накат появились отдельные товарищи, вдруг заговорившие об экологической катастрофе, о таких удручающих вещах, как отрицательный прирост населения, растущая смертность, повальные болезни среди лиц обоего пола. По-видимому, заговорили об этом достаточно громко, и, наверное, нашелся кто-то достаточно влиятельный, пожелавший все это услышать, но так или иначе в Накат из самой Москвы нагрянула высокая комиссия по экологии.

Почему она нагрянула именно в рабочий поселок, где вредностей было раз, два и обчелся, а не в индустриальный гигант Светозорск, для Гурова было не столь существенно. Его интересовал совсем другой вопрос – при каких обстоятельствах погиб один из участников высокой комиссии, и нет ли в его смерти состава преступления. Чтобы выяснить истину, Гуров и

приехал в эту забытую богом и людьми дыру, и, как и его предшественники, он тоже миновал большой город Светлозорск.

С основной информацией о недолгой деятельности экологической комиссии Гуров в общих чертах ознакомился уже в Москве. Это не составило никакого труда – информации было кот наплакал. Однако кое-какие выводы Гурову все же удалось сделать. Не столько на основе тех скудных фактов, которыми снабдили его в главке, сколько по собственным впечатлениям, полученным уже в Накате.

Прежде всего даже ему – отнюдь не специалисту – показалось, что с экологией в поселке дело действительно обстоит не самым лучшим образом. Гуров не мог считать простой случайностью тот факт, что с первого же дня пребывания в Накате он почувствовал себя отвратительно. Беспокоили необычные разбитость и сонливость, постоянно болела голова, во рту появился какой-то медный привкус, пошаливало сердце. Правда, сначала Гуров решил, что таким образом на него повлиял перелет, смена часовых поясов, нервотрепка и бытовые неудобства на новом месте. Но на следующий день все повторилось. Он, как сонная муха, бесцельно бродил до вечера по поселку, выпил, наверное, целую упаковку анальгина и абсолютно ничего не сделал.

Такого с ним никогда не случалось. Гуров постоянно поддерживал себя в отличной физической форме, а его работоспособности завидовали даже молодые коллеги. Полковник Гуров, пьющий таблетки и страдающий от мигрени, – это было что-то из области абсурда. В такое просто никто бы не поверил. Он и сам не хотел верить, но что было делать?

Решив, что ему просто нужно как следует выспаться, Гуров поклялся встать наутро пораньше и вплотную заняться расследованием. Об этой клятве и напоминал сейчас противный лязг механического будильника на подоконнике.

Во всяком случае, одна часть плана уже сработала – встать пораньше ему удалось. Гуров с некоторым недоверием посмотрел на циферблат будильника – тот показывал без десяти три – и понял, что заснуть уже не удастся. Он с преувеличенным усердием потер пальцами виски, хотя догадывался, что это не поможет, а потом встал с кровати и подошел к окну.

Небольшая пыльная площадь перед фасадом гостиницы была погружена во мрак. Скучное сияние одинокого фонаря на выкрашенном белой краской столбе не могло разогнать ночную тьму. Гуров даже различил крошечные точки звезд над черной зубчатой стеной леса, которая окружала поселок с трех сторон.

Лес здесь был неременной деталью пейзажа, в какой бы точке поселка вы ни находились. Первое, что видел житель Наката, открывая глаза, – это трубы химкомбината и тощие выцветшие верхушки старых сосен, нависавшие, казалось, над самыми крышами. Даже в солнечную погоду лес здесь выглядел угрюмым и неприветливым, и, наверное, поэтому жители Наката предпочитали проводить большую часть времени в поселке. В лес ходили в основном дети и редкие любители поохотиться, но таких в Накате почти не осталось. Вместо того чтобы бродить по чащам и болотам, молодежь предпочитала теперь сидеть у телевизора.

Последние события, как предполагал Гуров, должны были окончательно отбить у жителей Наката тягу к лесным прогулкам. Кроме болот и буреломов, в здешнем лесу можно было запросто наткнуться на заброшенную штольню – говорили, что в девятнадцатом веке в этих местах вовсю искали золото. Золота, однако, не нашли, а бесхозные штольни превратились в коварные ловушки. Ходили слухи, что за последние тридцать лет в лесу бесследно пропало не менее дюжины охотников. Предполагали, что виной этому были те самые золотоискательские штольни. Так это или не так, Гуров не знал. Достоверно ему было известно только одно – труп члена московской комиссии, молодого ученого-эколога, был обнаружен именно в заброшенной штольне – в километре от поселка. Оставалось выяснить, каким образом он туда попал.

Гуров включил в номере свет и сел на кровать. Боль в голове утихла, но превратилась в какую-то странную тяжесть, будто на макушку нахлобучили стальную каску. Гуров подумал,

что хорошо бы сейчас выпить чашку настоящего кофе, ароматного и обжигающего. Думать об этом можно было сколько угодно, однако воплотить в реальность не представлялось возможным – в номере не было ни нагревательных приборов, ни кофе, ни даже чашки. В принципе, Гуров был доволен уже и тем, что здесь для него нашелся одноместный номер – увидев в первый раз местную гостиницу, он вообще на это не надеялся. Строго говоря, номер все-таки не был одноместным – изначально он был рассчитан на двоих. Но из-за отсутствия наплыва туристов жилой площадью здесь не очень дорожили. Тем более Гуров сразу предупредил, что ждет товарища, и попросил зарезервировать свободную койку за ним.

Приехать должен был Стас Крячко, но почему-то задерживался. Вообще-то дело, из-за которого он задержался в Москве, было не самым быстрым – Стас собирался побеседовать с коллегами погибшего в Накате ученого – необходимо было хотя бы в общих чертах уяснить, что представлял собой этот Константин Сергеевич Подгайский. Без этого расследование пришлось бы вести практически вслепую, а в министерстве этому делу, похоже, придавалось большое значение. Заявлять напрямую о возможном убийстве никто пока не решался, но сам факт, что расследование было поручено старшему оперуполномоченному главка полковнику Гурову, говорил о многом.

О высоком доверии, оказанном ему руководством, Гуров узнал, можно сказать, из первых уст – от начальника главка генерала Орлова. Тот вызвал их к себе с утра обоих – Гурова и полковника Крячко, – старых друзей-соратников, людей, которых Орлов знал как облупленных и которым доверял безоговорочно, и с ходу их огорошил.

– Ну что, братцы, не надоела еще Москва? – спросил он нарочито небрежным тоном, словно речь шла о чем-то совсем незначительном. – Засиделись небось в каменных джунглях?

– Не знаю места краше, чем родная Москва! – напуская на лицо особенное простодушие, ответил полковник Крячко. – Сколько лет в ней живу, а все равно каждый день открываю для себя что-нибудь новенькое!

– Ты это пивные бутылки имеешь в виду? – скептически заметил Орлов. – Или что покрепче?

– Ваше превратное мнение об оперативных работниках сформировалось на дешевых телевизионных сериалах, товарищ генерал! – с упреком сказал Крячко. – Жизнь гораздо сложнее и многоцветнее... Между прочим, и опера тоже тянутся к прекрасному. Я, например, который год собираюсь сходить в Третьяковскую галерею, не говоря уже о Большом театре! Если бы не загруженность на основной работе, я вообще бы оттуда не вылезал!

– Опер просится в оперу... – задумчиво подытожил Орлов и сказал: – Ну что ж, одобряю! Вот приедешь из командировки и сразу сходи! Только, смотри, не перепутай – а то завалишься вместо оперы в пивной бар...

– А я разве еду в командировку? – удивился Крячко. – Какой неприятный сюрприз! Надеюсь, это не очень далеко?

– Совсем рядом, – успокоил его Орлов. – За Уралом. А чтобы тебе одному не было скучно, посылаю с тобой и твоего начальника. Пусть съездит, проветрится!

Гуров переглянулся с Крячко и спросил:

– Выходит, дело серьезное, Петр, если ты на него нас обоих бросаешь?

Орлов значительно поджал губы и с расстановкой ответил:

– А ты думал, я вам увеселительную прогулку предлагаю? В том-то и штука, что действовать вы будете по особому распоряжению министра. Он взял это дело под свой личный контроль. Поэтому подойдите к нему со всей ответственностью!

– До сих пор нам для этого не требовалось распоряжение министра, – усмехнулся Гуров. – Ну да бог с ним... Рассказывай, что случилось!

– Что случилось, вы мне расскажете, – строго заметил Орлов. – Когда раскрутите дело. А я вам дам самую общую информацию. Пять дней назад, а именно двадцать третьего августа,

в поселке Накат Светлозорской области погиб член правительственной экспертной комиссии Подгайский Константин Сергеевич. Ученый-эколог с европейским именем – говорят, крупный специалист. Случай сам по себе неприятный, а тут еще сопутствующие обстоятельства наводят на всяческие размышления... Дело в том, что комиссия работала в поселке Накат, а тело Подгайского обнаружили в лесу по соседству, в какой-то заброшенной шахте. Местная милиция мудрствовать не стала – посчитала, что Подгайский сам туда ухнул, когда пошел прогуляться. Говорят, такое там бывало и раньше. Следователь из Светлозорска, который прибыл позднее, подтвердил этот вывод. Но кое-кто забил тревогу – в случайную смерть поверили не все.

– И кто же не поверил? – поинтересовался Гуров.

– Не поверил главный врач местной больницы, – сказал Орлов. – Дмитрий Тимофеевич Шагин. Штука в том, что такая серьезная комиссия оказалась в поселке с его легкой руки. Когда-то Шагину посчастливилось учиться в институте на одном курсе с нынешним главным санитарным врачом России. Обычно студенческая дружба кончается где-то на подступах к вершинам, но тут мы имеем дело с исключением из правил. Не имею желания вникать в отношения старых сокурсников – просто обращаю ваше внимание на этот факт. Шагину удалось встретиться с главным санитарным врачом страны и передать ему лично в руки свой доклад о катастрофическом падении здоровья среди вверенного ему населения. Доклад попал к одному из заместителей премьера – и дело закрутилось... Здесь у меня есть копия, потом почитаете. Суть там в том, что с некоторых пор люди в поселке повально болеют и вдобавок мрут как мухи. Шагин связывает этот нюанс с экологией. Прав он или нет – не нам разбираться. Одни вон уже разбирались...

– Шагин считает, что кому-то не понравилась деятельность комиссии? – спросил Гуров.

– Скажем так, смутно подозревает, – ответил Орлов. – Никаких доказательств у него на этот счет не имеется. Даже косвенных. Но после того, как случилось несчастье, он сразу рванул опять в Москву, к старому другу. Тот вышел на нашего министра, а министр...

– Ясно, – сказал Гуров. – А что же, комиссия свернула свою деятельность?

– Да, все уже вернулись к своим обычным обязанностям. Представили формальный отчет правительству и разошлись по своим министерствам и ведомствам. Эта копия тоже у меня присутствует. Чистая отписка. Я так понимаю – никто из членов комиссии всерьез свою миссию не принимал. Вот такой печальный каламбур.

– Кроме господина Подгайского, разумеется, – вставил Крячко.

Генерал строго покосился на него и свел на переносице брови.

– Возможно, – скупое сказал он. – Вам разбираться. Время и так уже ушло, поэтому предлагаю полковнику Гурову вылететь в Накат немедленно. Забирай материалы по этому делу, в дороге почитаешь – и вперед! На месте вникнешь в детали, посмотришь, чем там за Уральскими горами дышат – и в прямом и в переносном смысле.

– А я? – недоумевающе спросил Крячко. – Ты же сказал, что обоих нас отправляешь!

– Так оно и есть, – кивнул генерал. – Только Лева пусть сразу на место летит, а ты тут пока кое-чем займешься. Поскольку фигура Подгайского является ключевой, тебе нужно встретиться с его коллегами по институту, с родственниками, с друзьями, побеседовать с ними – возможно, они что-то знают, о чем-то догадываются... С ними ведь никто толком не беседовал. Происшествие считается несчастным случаем. Прах Подгайского вчера был доставлен в Москву и вчера же захоронен.

– Не мешало бы встретиться с остальными членами комиссии, – заметил Гуров.

– Правильно говоришь, – согласился Орлов. – Только это потом. Штука-то ведь в том, что даже если это убийство, то ведь не столичные чистоплюи убили! В комиссии, кроме Подгайского, было три женщины из экологического ведомства, два молодых карьериста из Министерства химической промышленности и старый хрыч из Главного санитарного управления,

мечтающий о персональной пенсии. Народ, конечно, такой, что палец в рот не клади, но на убийство не пойдет. Искать концы надо на месте.

– Согласен, – сказал Гуров. – Однако не учитывать их мнения было бы странно.

– Нет у них никакого мнения, – проворчал Орлов, брезгливым жестом толкая по столу папку с какими-то бумагами. – Вот здесь все их показания и докладные записки. Никто ничего не знает, ничего не ведает. Такое впечатление, что они и с Подгайским не были знакомы. Сейчас они и тебе то же самое плести будут. Поэтому выезжай, не откладывая...

– А кто назначил этого Подгайского в комиссию? – поинтересовался Крячко.

– Тот самый заместитель премьера, которого я упоминал, – многозначительно ответил Орлов. – Я же говорю, Подгайский являлся крупным спецом в своей области. Видимо, решили, что одного толкового человека в комиссии будет достаточно. Теперь об этом назначении наверняка жалеют, но одновременно испытывают определенный дискомфорт – кому будет приятно, если твоего назначенца находят мертвым где-то на краю света, в глуши! Никому такое не понравится. Наверху требуют расследования.

– Кто следователь? – спросил Гуров.

Генерал немного замялся.

– Скажу откровенно, – смущенно признался он. – Официально уголовное дело никто пока не возбуждал. Смерть Подгайского рассматривается как несчастный случай. Но, учитывая вышеизложенное, министр пришел к выводу, что нам следует проявить определенную активность. Если что-то нароще, уголовное дело будет открыто незамедлительно. Если за этой смертью ничего нет, то и нет смысла беспокоить занятых уважаемых людей – такое есть мнение. Понимаете теперь? Поэтому и прочих членов комиссии не рекомендовано пока беспокоить.

– В общем, мы тоже получаемся вроде санитаров, – заключил Крячко. – Санитарная разведка и дезинфекция, – он обернулся к Гурову и с серьезной миной добавил: – Будешь там ходить по лесу – смотри под ноги! Не ровен час тоже свалишься в яму! Может, там все крупные специалисты падают в ямы? Может, в тех краях обычаи такой?

– Ладно, кончаем трепаться! – заявил Орлов. – Задание понятно. Сейчас ты, Стас, возьми у секретаря адреса, с которыми тебе придется работать, и за дело! Только... – генерал недовольно покосился на Крячко и поморщился. – Ты бы, брат, оделся бы попримечнее, что ли... К интеллигентным людям все-таки пойдешь. Что они о нас подумают?

Крячко с деланным удивлением внимательно осмотрел свою одежду – выцветшую ковбойку и удобные, но не слишком красивые джинсы.

– А что они могут подумать? – сказал он. – Что в милиции свои в доску парни – ничего другого они не подумают...

– Вот это меня и смущает, – кивнул генерал. – Что ничего другого они не подумают. По хорошему-то, с интеллигенцией Гурову беседовать следовало бы... Посмотри на него – какой молодец! Галстучек, костюм, рубашка белоснежная... Как по телевизору говорят – морозная свежесть! Вот только Гурову на место нужно ехать. Ты правильно сказал – он у нас главный специалист. Поэтому, хочешь не хочешь, а своей внешностью тебе заняться придется. Я не хочу, чтобы о нас судили по жалкому образу полковника Крячко. Полагаю, что это будет превратное мнение! – закончил он ядовито. – Хуже, чем в телесериале!

Глава 2

Над поселком, с трудом пробиваясь сквозь розоватую дымку, вставало солнце. Гуров, только что вышедший из ресторана при гостинице, деловито зашагал через площадь, как человек, твердо знающий цель и не испытывающий никаких сомнений. Костюм безукоризненно сидел на его высокой фигуре, воротничок свежей рубашки сверкал белизной, строгий галстук тоже был на месте – генерал был бы доволен.

На самом деле Гуров чувствовал себя неважно. Сказывалась бессонная ночь. Голова по-прежнему оставалась тяжелой, а незамысловатый завтрак в ресторане не прибавил бодрости. Гуров возлагал большие надежды на утренний кофе, но этим надеждам не суждено было сбыться – кофе здесь оказался мутным и мерзким на вкус. Может быть, все дело было в воде. Смешно было думать, что местный общепит станет применять для приготовления пищи минеральную воду, а то, что вытекало из водопровода, водой можно было назвать весьма условно. Причина этого была Гурову непонятна: он уже успел выяснить, что поселок снабжается водой из подземных источников – обычно это самая лучшая вода, но здесь все было шиворот-навыворот.

Несмотря на все эти неудобства, Гуров решительно вознамерился всерьез взяться сегодня за дело. Собственно, и накануне он бы не дал себе поблажки, но те люди, с которыми Гуров предполагал встретиться в первую очередь – начальник милиции и главный врач Шагин, – были вчера в отъезде. Оба зачем-то наведывались в Светлозorsk. Сегодня они должны были вернуться.

Гуров решил начать с коллеги. Тем более что отделение внутренних дел находилось в двух шагах от гостиницы. Он добрался туда за пару минут.

Коллеги располагались в двухэтажном здании из красного кирпича, крытом листами оцинкованного железа. У входа стоял «УАЗ» с синей полосой и мигалкой и еще три-четыре легковые машины с местными номерами. На крыльце курили три молодых милиционера в форменных кепках и в рубашках с закатанными рукавами. Они о чем-то разговаривали между собой, громко смеясь и обильно пересыпая речь матом.

Гуров поморщился. Он терпеть не мог сквернословия, и современная привычка вставлять похабные слова куда надо и куда не надо вызвала у него тоскливый гнев. К сожалению, новые веяния коснулись и органов правопорядка – и, может быть, даже в большей степени, чем кого-либо еще. Это было самое печальное.

Гуров поднялся на крыльцо и остановился. Молодые люди как по команде повернули к нему головы. Они рассматривали его без страха, по-хозяйски. Гуров в ответ смерил каждого тяжелым взглядом и сухо сказал:

– Постыдились бы, орлы! Погоны ведь на плечах! А выражаетесь, как шпана подъездная! А на вас, между прочим, люди смотрят...

Милиционеры напряглись. У того, кто стоял ближе к Гурову – голубоглазого, широкоскулого парня, с едва заметными пшеничными усиками над губой, – от раздражения побагровела шея и запылали уши. Он невольно потянулся рукой к поясному ремню, на котором среди прочей амуниции висела увесистая дубинка, и с недвусмысленной угрозой в голосе сказал:

– В чем дело, мужчина? У вас какие-то проблемы?

Его товарищи столь откровенно лезть на рожон не стали, но все равно по одному их виду было ясно, что они полностью солидарны с коллегой и наезд Гурова им также не по душе.

– Боюсь, что проблемы могут возникнуть у тебя, мой юный друг, – негромко сказал Гуров пшеничноусому. – Здесь не мой курятник, но, если ты не умеришь свой пыл, неприятности я тебе обещаю. Не вызываешь ты у меня доверия как представитель власти, понимаешь? Здесь на крыльце ты просто Бэтмен какой-то, а вот интересно, каков ты на службе?

Самый щуплый из милиционеров, невысокий кудрявый парнишка с цыплячьей шеей, неожиданно фыркнул – слова Гурова показались ему забавными.

– Понял, Серега, ты у нас теперь еще и Бэтмен! – насмешливо сказал он.

– Заткнись! – зло бросил ему пшеничноусый.

Он еще больше покраснел от унижения и не на шутку разозлился. Уверенный тон Гурова сбивал его с толку, но сдаваться Серега не собирался. Он, правда, оставил попытки схватиться за дубинку и лишь официальным тоном потребовал от Гурова предъявить документы.

– Я вас, гражданин, что-то не знаю, – издевательски сдержанно сказал он. – А здесь все-таки управление внутренних дел. Кого попало пропускать не имеем права.

– Матом ругаться не имеешь ты права, – заметил Гуров. – А документы я дежурному предъявлю, если понадобится. И заруби себе на носу – по тому, как ведет себя рядовой милиционер, народ судит о власти в целом. А на тебя глядя, что о власти можно сказать?

– Тоже мне учитель нашелся!.. – угрюмо буркнул Серега, глядя на Гурова исподлобья. – Из каких университетов, интересно?

– В свое время узнаешь, – пообещал Гуров и открыл тугую дверь управления.

Дежурный лейтенант никаких документов у Гурова не потребовал. Похоже, здесь вообще не было принято спрашивать документы, и сердитый Серега просто набивал себе цену. Узнав, что Гуров из Москвы и что ему нужен начальник, лейтенант быстро и толково объяснил, как найти нужный кабинет. Он даже выдал дополнительную информацию, о которой Гуров его не просил.

– Николаич сегодня не в духе! – ухмыльнувшись, сообщил лейтенант. – Наверное, вчера в области пистон вставили. Так что если он на вас кобелей спустит – не обижайтесь. Он у нас мужик горячий...

Гуров вежливо поблагодарил дежурного и отправился на второй этаж – искать кабинет горячего мужика. В коридорах управления стоял привычный казенный запах. Мелькали знакомые синие мундиры. У Гурова появилось странное ощущение, что он оказался у себя дома. Много лет назад в точно таком же провинциальном отделении он начинал работать. И был он тогда не старше Сереги с пшеничными усиками. Только держался чуточку поскромнее и на людях не сквернословил. Тогда такое и представить было невозможно.

Дверь в кабинет начальника была раскрыта настежь, и оттуда в коридор вырывались раскаты такого страшного мата, по сравнению с которым бесхитростные высказывания милиционера Сереги могли показаться лепетом младенца в песочнице. Гуров невольно остановился.

Тут же из кабинета кубарем выкатился вспотевший толстяк с майорскими погонами и куда-то понесся, бормоча на ходу. Следом за ним выскочил молодой симпатичный лейтенант и крикнул вдогонку: «Семен Григорьевич, подождите! А свodka?..» Толстяк даже не оглянулся. Молодой лейтенант озабоченно наморщил лоб, потом махнул рукой и повернулся в сторону Гурова.

– Вы к начальнику? – спросил он. – Проходите. Он как раз освободился.

– Вижу, – сказал Гуров. – Не в духе Николаич, а, сынок?

Лейтенант неопределенно пожал плечами и ответил:

– Да нет, ничего... Это так, свои разборки. Вы не волнуйтесь. Александр Николаевич, в принципе, хороший мужик...

Постепенно бесплотная фигура милицейского начальника обрастала жизненными подробностями. Из горячего мужика он превратился теперь в мужика хорошего в принципе. Обнадеженный такой характеристикой, Гуров усмехнулся себе под нос и вошел в кабинет, на двери которого красовалась табличка: «Начальник РОВД – полковник Заварзин Александр Николаевич».

Полковник сидел за столом и яростно накручивал диск телефона. Это был коренастый плотный мужчина с широким, изборозженным морщинами лицом. Волосы на его голове сто-

яли ежиком. Из глубоко посаженных глаз летели молнии. Одна из них предназначалась вошедшему без стука Гурову.

Собственно, стучаться было некуда, потому что и внутренняя дверь в кабинет была открыта – похоже, полковник Заварзин не привык прятаться от народа. Хотя неожиданное вторжение постороннего не слишком пришлось ему по душе – это было понятно и без слов.

Однако просто проигнорировать появление Гурова полковник не смог – уж слишком заметная была фигура. Он в раздражении бросил трубку на рычаг телефона, налег грудью на стол и в упор посмотрел на Гурова. Он был похож на взъерошенного зверя, выглядывающего из норы.

– Я без доклада, потому что секретарь сказал, вы не заняты, – мирно заметил Гуров. – Но если вы заняты, я могу подождать.

– А чего ждать-то? – не приветливо спросил Заварзин.

– Поговорить надо, Александр Николаевич, – ответил Гуров. – Я из Москвы. Старший оперуполномоченный Гуров Лев Иванович. Вот мои документы.

Полковник Заварзин высоко поднял брови и оторвался от стола. Он вдруг самым чудесным образом преобразился – на суровом лице заиграла улыбка, а молнии, летевшие из глаз, превратились в какую-то смешливую рябь.

– Хо! – воскликнул он, тыча в Гурова указательным пальцем. – А я ведь тоже когда-то опером начинал, представляешь?! А ты, значит, из главка? Знаю, мне уже сообщили. Давно приехал? Вообще-то по-человечески нужно было тебя встретить, да я закрутился – вчера вот в область ездил... Сам понимаешь, текучка! Так что не обессудь – обещаю вину свою загладить в кратчайшие сроки. Ты где остановился?

Гуров пожал плечами.

– Да у вас тут, по правде сказать, небольшой выбор, – ответил он.

Заварзин сочувственно покачал головой.

– Это ты верно заметил, – печально сказал он. – Выбора нет. Как говорится, дыра дырой! Представляю, как тебе тут после московских проспектов! Тошно небось?

– Я вообще-то в провинции начинал, – сообщил Гуров. – Но дело не в этом. Я работать приехал. А в этом случае антураж не имеет значения. Да и не так уж у вас тут плохо. Вот только никак в форму не войду. Воздух, что ли, у вас тяжелый?.. Комиссия-то по экологии не зря приезжала, наверное?

Заварзин непонятно посмотрел на Гурова и, не ответив на вопрос, заговорил о другом.

– Форму мы тебе поможем вернуть! – весело пообещал он. – У нас с этим тут налажено – шашлычки на природе, охота, рыбалка... Любишь рыбалку?

– Не знаю, – сказал Гуров. – А вот шашлычки на природе не люблю – это точно. Особенно в чужой компании. И не для этого я сюда приехал. Так что давай, Александр Николаевич, не о рыбалке, а сразу о деле!

Заварзин укоризненно усмехнулся.

– Вот ведь ты какой, Лев Иванович! Не даешь гостеприимство проявить! А я еще хотел предложить тебе из гостиницы ко мне перебираться – дом у меня большой, всем места хватит. И жена прекрасно готовит... Но чувствую, ты и этот проект зарубишь... А ведь я от чистого сердца!

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Гуров. – За приглашение спасибо, но дислокацию менять не стану. Я, понимаешь, как тот кот, который сам по себе ходит. Такая уж у меня привычка. А в моем возрасте, говорят, привычки опасно менять.

– Ну, как знаешь, – разочарованно сказал Заварзин и тут же добавил: – Но ты имей в виду, если что, мой дом – твой дом! Всегда милости просим! И насчет шашлычков – зря! – покачал он головой. – Мы ведь не в здешнем дерьме отдыхаем. Берем транспорт – и за сто

километров к северу! Там отличные места – настоящая тайга! А воздух просто целебный. Там бы ты мигом в форму вошел!

– Да я и здесь войду, – сказал Гуров. – А разъезжать правда некогда – в Москве результатов ждут. Мне надо скоренько с этим делом разобраться – и назад.

– С этим делом? – задумчиво спросил Заварзин, ероша свой ежик. – Надо понимать, смерть Подгайского имеешь в виду? Хотя чего я спрашиваю – в нашем гадюшнике ничего такого больше не случалось, что могло бы столицу заинтересовать... А Москва, значит, своих в обиду не дает? – Он испытующе посмотрел Гурову в глаза. – Сильно там расстроились из-за ученого этого?..

– А ты как думаешь? – в тон ему ответил Гуров. – Ученый с европейским именем. Такими не бросаются. А ты вроде недоволен этим? Ты бы предпочел, чтобы как в песне: «Отряд не заметил потери бойца»? Слишком равнодушно мы стали относиться к человеческой жизни, Александр Николаевич, тебе не кажется?

– Как они к нам, так и мы к ним! – неожиданно зло ответил Заварзин, но тут же пояснил более мирным тоном: – Это ты верно заметил – элемент равнодушия присутствует. Но что поделаешь – жизнь у нас теперь такая... равнодушная. Каждый к себе тянет... Умри ты сегодня, а я завтра! А ученого мне, может, не меньше твоего жалко – я слышал, мало их у нас теперь осталось, ученых-то... Все на Запад переселились. А какая наука была! – он покрутил головой. – Какая техника! Держава какая! Все просрали, извини за выражение!

Гуров вспомнил выражения, которые совсем недавно гремели из кабинета начальника, и про себя с удивлением отметил, что в разговоре с ним Заварзин употребил бранное выражение и то не из самых крепких – видимо, старался не ударить в грязь лицом перед гостем.

– Только, по большому счету, зря ты, Лев Иванович приехал! – с сожалением в голосе продолжил Заварзин. – Со смертью этой и разбираться нечего. Стопроцентный несчастный случай! Пошел человек в лес без проводника, без карты – ничего здесь не знает... человек сугубо городской... Долго ли до беды!

– Наверное, ты прав, Александр Николаевич, – сказал Гуров. – Я и сам рад буду убедиться, что все обстоит именно таким образом – хотя, пожалуй, слово «рад» здесь и не очень-то уместно... Только прежде я должен еще раз все проверить, познакомиться, так сказать, с местностью, с людьми поговорить... Особенно с теми, кто общался с Подгайским. Ведь наверняка же он с кем-то общался? Потом, обязательно нужно встретиться с теми, кто обнаружил тело...

– Это пожалуйста! – легко сказал Заварзин. – Это мы тебе устроим. Только одна записка... Того, кто первым наткнулся в лесу на труп – есть у нас тут один охотник-любитель, Смига по фамилии, – его вполне сейчас на месте может не быть. Он на этом деле повернут – сутками в чаще пропадает! Все окрестности облазил – как свои пять пальцев знает. Собственно ничего удивительного, что он тело и нашел. Больше, собственно, некому. Если бы не Смига, так бы и лежал, сердешный, до второго пришествия...

– Хорошо, ты мне адресок его дай, – попросил Гуров. – Я загляну. А кто из твоих людей на это место выезжал? С ними-то я, надеюсь, смогу увидеться?

– Вот с этим проще! С этим проблем нету! – жизнерадостно сказал Заварзин. – Двое там были – на месте происшествия-то – Калякин и Савинов. Вызвать их, что ли?

– Буду очень признателен, – ответил Гуров. – Познакомиться надо, о встрече договориться. Беседовать в официальной обстановке не стану, – улыбнулся он. – Боюсь, при тебе у твоих молодцев язык к гортани присохнет.

Заварзин некоторое время молча смотрел на него, словно колеблясь. Потом покладисто сказал:

– Ну, твое дело! Не мне тебя учить. Как считаешь нужным, так и поступай. Ребят я тебе сейчас приглашу – они как раз на месте. Адресок Смиги – вот он, пожалуйста... – полковник

быстро пролистал ежедневник на столе и вырвал оттуда бледно-зеленый листок. – Ты, наверное, и штольню ту злосчастную проверять пойдешь?..

– Обязательно! – сказал Гуров.

– Тогда тебе обязательно провожатого нужно, – озабоченно наморщил лоб Заварзин. – По этим чащобам в одиночку лучше на лазить – один вон уже долазился...

– Так я в одиночку и не собираюсь, – сказал Гуров. – Если бы ты мне этих Калякина и Савинова дал – было бы самое то. Лучше, как говорится, и увидеть и услышать.

– Дам, – пообещал Заварзин. – Ты когда хочешь отправиться?

– А чего откладывать? – пожал плечами Гуров. – Прямо сейчас и отправлюсь.

– Вот, значит, как! – крикнул Заварзин. – Быстрый ты! Сразу москвича видать! Ну что ж, вольному воля. Тогда я сейчас распоряжусь...

Он нажал кнопку селектора на столе и, низко наклонившись, пророкотал в микрофон:

– Калякина и Савинова ко мне – срочно! Одна нога здесь – другая там! – и, поглядев на Гурова, самодовольно улыбнулся.

– А ведь ты и тут прав! – с некоторым удивлением заключил он. – При мне мои парни не шибко разговорчивые. Они закон мой знают четко – побольше помалкивай и слушай, что говорит старший!

– Удобный закон, – насмешливо заметил Гуров.

– А законы для того и придуманы, – ответил Заварзин. – Для нашего с тобой удобства. Разве не так? – хитро прищурился он.

– А я думал, законы для всех существуют, – сказал Гуров. – Для удобства каждого. Иначе какой в них смысл?

– Ну это-то понятно! – преувеличенно бодро заявил Заварзин. – Те законы, о которых мы с тобой печемся, они, конечно, для каждого – переходи улицу в положенном месте, не воруй по мелочам, пьяный на улице не валяйся... Без них тоже нельзя, согласен. Но я имел в виду другое, сам понимаешь... – он выжидающе посмотрел Гурову в глаза, словно опасаясь быть неправильно понятым, и продолжил свою мысль: – В наше время самое главное – тылы, верно? Обеспечь себе крепкий тыл – и можешь быть спокоен. Ну, а тыл – это прежде всего экономика.

– Никак не соображу, куда ты клонишь? – перебил его Гуров.

На лице Заварзина промелькнуло сожаление – его опасения оправдались. Он хотел что-то добавить, но в этот момент на пороге, стуча каблуками, возникли две крепкие фигуры в мундирах.

– Товарищ полковник! Вот, по вашему приказанию прибыли, – простуженным голосом сообщил один из милиционеров. – Калякин и Савинов. Какие будут распоряжения?

Гуров обернулся. Один из вошедших был ему незнаком, зато во втором он с некоторым удивлением узнал сквернословия Серегу. Взгляд, который тот от порога бросил на Гурова, был мрачен и презрителен.

«Вот так попали, – весело подумал про себя Гуров, хладнокровно рассматривая напряженную фигуру грубияна. – На ровном месте, да мордой об асфальт!»

Глава 3

– Я пойду «Урал» подгоню, – сипло сказал Калякин Гурову. – Вам, товарищ полковник, конечно, неудобно в люльке-то будет... Только, понимаете, туда на машине никак не проехать. Даже вездеход не пройдет. На мотоцикле-то едва ли протиснемся. И то не до самого места... – он говорил так, словно покойник оказался в таком глухом месте по его личной вине.

– А я, признаться, меньше, чем на «Мерседес», не рассчитывал, – серьезно сказал Гуров. – Привык, понимаешь, в «Мерседесах» раскатывать...

Но, поймав недоумевающий взгляд Калякина, он ободряюще похлопал его по плечу и добавил:

– Ты не пугайся, сержант! Не бери в голову. Я ведь оперативный работник, а не проверяющий из министерства. В крайнем случае могу разок и в люльке прокатиться. Подгоняй свой «Урал»!

– А, ну да, – озадаченно пробормотал Калякин и пошел за мотоциклом.

Гуров остался наедине с грубияном Савиновым. После того как милиционер узнал, кто такой Гуров, и убедился, что тот не наябедничал на него начальнику, он несколько успокоился, но все равно держался настороже и всячески пытался наладить отношения.

– Вы, товарищ полковник, это самое... – заговорил он, переминаясь с ноги на ногу и сконфуженно глядя куда-то в сторону. – Вы не думайте... Кто же знал, что вы из нашего ведомства? Ошибка с каждым может случиться. Виноват, больше не повторится...

– Мне от твоей ошибки хуже не будет, – заметил Гуров. – Можешь не извиняться. Я за других беспокоюсь. За какую-нибудь старушку на базаре или за мужичка подвыпившего... Ведь для них ты царь и бог, верно? Хочу казнь, хочу милую. А такого быть не должно, Савинов! Мы не цари, а наемные работники. Нанятые той же старушкой и тем же мужичком и, между прочим, на их же деньги нанятые! Улавливаешь мою мысль?

– Так точно, – послушно сказал Савинов, по-прежнему пряча глаза. – Так вы, значит, не в претензии?

Гуров поморщился.

– Прошное забыто и похоронено, – ответил он. – И давай больше об этом не будем. Лучше расскажи мне все, что тебе известно об этой смерти. Протокол повторять не надо – его я и сам читал. Расскажи своими словами – что видел, что вообще об этом думаешь... Может, какие соображения есть, о которых раньше не захотел сообщить... Может, что-то запало в память, что кажется незначительным. Мне все важно.

Савинов захлопал светлыми ресницами и нахмурил лоб.

– В память запало? – проговорил он. – Да ничего вроде не запало... А-а, вот! Дождь в тот день шел! Правда, не сильный, а так, накапывало помаленьку. Хотя мы с Никитой в конце все-таки промокли. Долго больно пришлось возиться... Пока, значит, вытащили, пока досмотр провели, погрузили... Мыслимое дело – мертвяка сто метров тащить до мотоцикла! Тут и в сухую погоду взмокнешь.

– И в тот раз на «Урале» ездили? – спросил Гуров.

– А на чем же? – пожал плечами Савинов. – Это же в лесу. В километре от дороги. Туда просека ведет – только на мотоцикле и проехать. И то не до конца. Просека метров сто не доходит. А еще там кругом камни, бурелом... Я вообще сомневаюсь, что мы сегодня доедем. На нашем «Урале» по лесам гонять – тот еще фокус!

– Не доедем, пешком дойдем, – заметил Гуров. – А сообщил о покойнике вам охотник? Фамилия у него еще странная...

– Смига, ага! – кивнул Савинов и презрительно плюнул в пыль. – Только какой он охотник! Чокнутый он, по-моему! Шляется по лесу без толку! А чего ему не шляться? Пенсионер,

времени свободного навалом... А в здешних лесах зверья уж сто лет никто не видел. Ну, там, может, суслики какие, мыши... А серьезный зверь, он к северу ушел.

– Что так? – спросил Гуров.

– Экология, – важно ответил Савинов. – Дышать ему тут нечем. От Светлосорска химией дует. Да и свой комбинат добавляет. Так что тут, кроме человека, ни одна тварь не уживается!

Он хрипло засмеялся. Гуров попытался поймать взгляд милиционера, но у него опять ничего не вышло. Савинов будто опасался, что Гуров прочитает в его глазах неприязнь. На этот счет Гуров не обманывался. Заискивающий тон Савинова еще ничего не значил. Наверняка в душе он посылал в адрес Гурова проклятья. Такие люди за один день не меняются. Но если им не противостоять – они не изменятся никогда.

– Экология, говоришь? – задумчиво произнес Гуров. – Так ведь она у вас и раньше была – разве нет? Химкомбинат с какого года работает?

– Да я еще маленький был – помню, трубы уже тогда дымились, – ответил Савинов. – Мне сейчас двадцать три, значит...

– И уже тогда зверь в лесах не водился? – поинтересовался Гуров.

Савинов ненадолго задумался, а потом равнодушно сказал:

– Да кто его знает... Может, и водился... На охоту мужики ходили. А уж добывали чего или нет – не скажу, не помню...

– А сам ты за последнее время хуже себя не стал чувствовать? – спросил Гуров. – Ведь не зря же к вам сюда комиссия по экологии нагрянула. Смертность, говорят, высокая, заболеваемость... Что-то неладно у вас в последние годы.

Савинов пожал плечами и криво усмехнулся.

– Кому как, – уклончиво сказал он. – По-моему, терпимо. А если что, народными средствами лечимся. Примешь двести с прицепом и наутро как новенький...

Сказав это, он тут же осекся, сообразив, что подобные методы лечения вряд ли могут понравиться строгому полковнику из столицы. Однако Гуров сделал вид, что пропустил все мимо ушей. В отношении народных методов он и сам бывал небезгрешен.

Из-за угла здания послышался треск мотоцикла, и на середину двора вылетел сержант Калякин на грохочущем «Урале». Он затормозил в двух шагах от Гурова и, не глуша мотора, крикнул:

– Садитесь, товарищ полковник! Только шлем наденьте – я специально для вас захватил, а то не ровен час...

Наблюдая, как Гуров забирается в коляску, сержант с сожалением заметил:

– Вам бы костюмчик-то попроще надеть! Я там протер вроде, а все равно перемажетесь ведь! Жалко костюм – хороший! В таком только в театры ходить...

– Да ведь театра-то у вас, сержант, здесь нет! – шутливо заметил Гуров, втиснувшись наконец в тесную коляску. – А с костюмом, надеюсь, ничего не случится. Ведь вы не допустите, чтобы еще один ваш гость свалился в штольню?..

– Упаси бог! – с суеверным ужасом сказал Калякин. – Что вы такое говорите! Тьфу-тьфу-тьфу, как говорится. Нам и одного хватило... У нас не Москва, чтобы каждую неделю покойник!

– Эх, сержант! – покачал головой Гуров. – Если бы! А каждый день несколько трупов не хочешь? И все – насильственная смерть. Вот что такое Москва! Так сказать, обратная сторона медали... Но здешнюю статистику мы общими усилиями постараемся больше не портить.

– Это хорошо бы, – заметил Савинов, пристраиваясь на заднем сиденье. – Да как знать? Все под богом ходим...

Грохот мотора заглушил его слова. Мотоцикл сорвался с места и, поднимая тучи пыли, вылетел со двора. Снулый пегий пес, дремавший у ворот, едва успел выскочить из-под колеса.

«Урал» сделал лихой разворот на площади перед гостиницей и понесся вдоль главной улицы поселка. Немногочисленные прохожие лениво оглядывались ему вслед.

С оглушительным треском они выехали на окраину Наката, миновали длиннющий бетонный забор комбината и наконец выбрались на шоссе, теряющееся среди зарослей тощих красноватых сосен. По этому шоссе Гуров прибыл в Накат со светлозорским автобусом, но теперь путь его лежал в другую сторону.

Ехали не слишком долго. Свернув вскоре с асфальта, некоторое время петляли по грунтовой дороге, проскочили какую-то деревню, и тут наконец Калякин свернул на едва заметную просеку, углубляющуюся в сосновый лес. Мотоцикл запрыгал на ухабах, и Гурову пришлось изо всех сил вцепиться в люльку. Ему казалось, что вот-вот – и у него оторвутся все внутренности.

Калякин был мастером своего дела – он вел мотоцикл так же уверенно, как если бы ехал по знакомой дороге – и в ту минуту, когда Гурову уже казалось, что они обязательно влетят в ближайший смолистый ствол, Калякин хладнокровно поворачивал руль и неизменно выправлял положение.

Такая гонка продолжалась всего минуты две или три, но Гурову они показались вечностью. Вдруг просека оборвалась, впереди образовалась зеленая стена, и Калякин с разгона затормозил, едва не врезавшись в молодую поросль густейшего кустарника. Потом он стащил с головы шлем и с облегчением сказал:

– Ну вот и доехали! Теперь только пешочком...

Гуров выбрался из коляски, с удовольствием разминая затекшие мышцы. Кстати, он обнаружил, что пророчество сержанта сбылось гораздо быстрее, чем он ожидал, – костюм его был в пыли и паутине, а к правому колену прилип кусочек сосновой смолы.

– Что выросло, то выросло! – заключил Гуров, заметив сочувственный взгляд Калякина. – Веди, Сусанин!

Сержант слегка замялся и обернулся к Савинову.

– Серега, ты вроде лучше помнишь, где тут чего? – неуверенно сказал он и тут же поспешил объяснить: – Я-то, товарищ полковник, сам не местный, здешних лесов, можно сказать, вообще не знаю...

– Можно подумать, я знаю! – угрюмо отозвался Савинов. – Только мне и делов, что по лесам шляться. Пошли вон туда! – он решительно рубанул рукой воздух. – Смига вроде туда нас тот раз водил. Я сейчас вспомню разве?

– Нам главное – до камней добраться, – пояснил Гурову Калякин. – Там у подножия холма лесу поменьше, а камней побольше – там я скорее сориентируюсь... А вообще тут недалеко, не бойтесь!

– А вы и впрямь под Сусанина работаете, ребята! – с неодобрением заметил Гуров. – Не ожидал! Кабы знал, так лучше бы сначала к охотнику заглянул. Бояться я не боюсь, а вот времени жалко. Если заблудимся, совсем некрасиво получится.

– Вот и я предлагаю – вернуться, да подождать, пока Смига объявится, – неожиданно предложил Савинов, с отвращением разглядывая верхушки тощих сосен. – Тоже прыгать тут по камням не хочется. Ноги-то не казенные!

Гуров обвел обоих внимательным взглядом и сказал твердо:

– Ну вот что, орлы! Вы мне теперь кашу по тарелке не размазывайте! Знаете пословицу «взялся за гуж – не говори, что не дюж»? А раз знаете, приступайте к делу! И попомните мое слово – из леса не выйдете, пока место не найдем! И советую мой характер не проверять – неблагодарное это занятие.

Милиционеры стояли, опустив головы, и ничего не говорили. Потом Калякин вздохнул, снял с головы форменное кепи и пригладил мокрые волосы.

– Простите, товарищ полковник, – виновато сказал он. – Неловко, конечно, получилось. Надо бы кого из знающих с собой взять – не сообразили. Но делать теперь нечего – искать будем...

– К вечеру найдем, – негромко буркнул Савинов, однако тут же добавил: – Ладно, пойдемте! Только я ни за что не отвечаю...

Наклонив голову, он решительно зашагал в чащу по едва заметной тропе между кустов. Гуров пошел за ним, а сержант пристроился рядом.

– Что за человек был Подгайский? – спросил Гуров. – В небольшом поселке гость на виду. Какое у вас сложилось о нем впечатление?

– Так это... – растерянно сказал сержант. – Я извиняюсь, товарищ полковник, только так вышло, что я этого Подгайского только мертвого и видел. Слышал, что вроде комиссия к нам в поселок приезжала – экологию проверять, да только я лично их и в глаза не видел.

– А их тут мало кто и видел, – сказал вдруг Савинов. – Они сюда не очень-то... Тут ведь не Москва – метро нету...

Гуров с любопытством посмотрел на него и переспросил:

– Как это понимать – мало кто видел? Они здесь не работали, что ли?

Савинов, не оборачиваясь, презрительно плюнул в кусты.

– Этого я не знаю – работали они или груши околачивали, – ответил он. – А вот что они тут почти не появлялись – это точно. Были один или два раза – в больницу ходили и в администрацию... А так все в Светлозорске... И жили там, между прочим. Наша гостиница им не показалась. Один этот Подгайский как патриот...

– Если я тебя правильно понял, из всех членов комиссии в поселке постоянно проживал один Подгайский? – спросил Гуров. – Остальные бывали здесь наездами, так, что ли?

– Вы правильно поняли, – сказал Савинов. – Так оно и было.

– Любопытно! – заметил Гуров. – Об этом я не знал. И чем же занимался здесь в одиночестве Подгайский?

– А кто его знает? – неохотно сказал Савинов. – Я за ним не наблюдал. Говорят, лазил везде, анализы какие-то собирал... Фигней, в общем, занимался.

– Отчего же так категорично? – удивился Гуров. – Работал, значит, человек...

Савинов махнул рукой.

– Толку от ихней работы! – зло сказал он. – Только воду мутят, а результату – ноль.

– Это как же надо понимать? Не веришь в науку, Савинов? – спросил Гуров.

– А я никому не верю! – убежденно сказал милиционер. – Сейчас такая жизнь, товарищ полковник, что каждый за себя. Я знаю, что вы из воспитательных целей со мной не согласны, но про себя то же самое думаете. Разве не так?

– А ты, оказывается, у нас еще и мысли читаешь! – насмешливо заметил Гуров. – Только тут ты что-то напутал. Я не из воспитательных целей с тобой не согласен, а в принципе. Каждый за себя – это закон зоны. Чувствуешь разницу?

Савинов, видимо, поняв, что снова попал впросак, предпочел смолчать. Гуров тоже испытал некоторую неловкость – все-таки он приехал сюда работать, а не воспитывать чужие кадры. Идеологические споры с этим упрямым и малообразованным юнцом уже начинали его утомлять. К тому же опять начала побаливать голова и вдобавок во рту появилась противная сухая горечь, словно он наелся древесной коры.

К счастью, продолжать утомительную дискуссию не потребовалось – они вдруг вышли из зарослей на относительно открытое пространство, где среди колючих кустов и пучков жесткой травы лежали россыпи огромных серых валунов. Россыпи эти тянулись куда-то вверх по склону холма и скрывались в тени сосновых деревьев.

Увидев этот пейзаж, Калякин оживился и принялся вертеть головой.

– Ну вот, примерно где-то здесь! – с облегчением сказал он. – Только еще надо немного правее взять, кажется... Правее надо, а, Серега?

Савинов задумчиво осмотрел окрестности, а потом уверенно махнул рукой.

– Туда! – сказал он.

Они пошли дальше, перепрыгивая через камни. Вокруг стояла удивительная тишина. Даже свиста ветра не было слышно. Солнце ослепительно пылало высоко в небе. От нагретых камней поднимался вверх теплый воздух, слегка искажая очертания сосновых стволов.

– Последние деньки! – с жалостью сказал Калякин. – Скоро осень навалится – дождь, снег, слякоть... Не люблю холодов! Я вообще-то на юге вырос, товарищ полковник, в Краснодарском крае.

– Чего же ты сюда приперся? – грубо поинтересовался Савинов.

– Я не сам приперся, – с обидой сказал Калякин. – У меня отец военный, переезжал все время. Вот сюда я уже сам приехал. Супруга моя родом из Наката. И такая патриотка – никуда отсюда ехать не хочет. Познакомился-то я с ней в Казани, когда...

– Стой! – вдруг сказал Савинов. – Вот оно, это место! Точно, оно! Вот и то дерево, куда мы трос привязывали... Узнаешь, Никита?

– Узнаю, – с иронической усмешкой ответил сержант. – Правильно, то самое место! Я же говорил, что ты скорее найдешь!.. А вы, товарищ полковник, теперь поосторожнее – тут на каждом шагу ямы – запросто шею себе сломать можно.

– Понарыли, гробокопатели хреновы! – в сердцах сказал Савинов. – Не знаю уж – хоть грамм золота здесь кто-нибудь находил когда? Как говорится, дурака заставь молиться – он лоб расшибет... Ляпнул кто-то, что тут золота немерено, они и пошли копать!..

– И где же та самая штольня? – перебил его Гуров.

– А вот она, прямо, – показал Савинов. – Ее не видать, потому что трава, и землей присыпало. А вы, правда, поосторожнее!.. Шутки шутками, но если с вами что случится – Николаич с нас головы поснимает!

Медленно шагая и обшаривая взглядом каждый сантиметр, они подошли к самому краю штольни. Среди дикой травы и камней темнел провал, казавшийся бездонным. Он не был широким – от силы метра два, но, возможно, просто осыпались края ямы. Гуров посмотрел вниз, почесал подбородок.

– Какая тут глубина? – спросил он у Савинова.

Тот пожал плечами и задумался.

– Да метров двенадцать-пятнадцать будет! – ответил он наконец. – Навернуться можно за милую душу!

– Спуститься бы туда, – сказал Гуров. – Не захватили веревку?

– Вы что – в эту дыру ползете? – изумился Савинов.

– Но вы же лазили, – возразил Гуров.

– Мы по нужде, – заметил Калякин. – А вам-то это зачем? Яма – она и есть яма.

– В данном случае это не яма, а место происшествия, сержант! А, между прочим, в ваших протоколах описание места происшествия отсутствует начисто. Как и описание трупа, кстати. То, что там написано, – детский лепет.

– А мы чего – следователи, что ли? – недовольно сказал Савинов. – Вот следователь из Светлосорска приезжал – у того все написано как надо. Наверное...

– Вы мне сказки не рассказывайте, – сердито ответил Гуров. – Следователь – это одно, а у вас тоже голова на плечах имеется. Вы первыми здесь были, и ваши показания особенно важны! У следователя, между прочим, тоже в бумагах хаос сплошной – у вас, что ли, списывал? А из вашей писанины ничего нельзя уразуметь – ни как труп лежал, ни как он одет был...

– Да как одет? Обыкновенно одет, – буркнул Савинов. – Типа камуфляж на нем был – верно, Никита? А лежал вниз головой со свернутой шеей. Чего там в темноте разберешь? Я и

не разглядывал его больно-то – петлю на туловище закрепил и – вира! Ребята его вытащили, а потом меня тоже. Вам сейчас хорошо говорить, а там с ним возиться не больно интересно было. Труп уже вонять начал, и на башку все время камни падали – того и гляди засыплет.

– Ну вот чтобы у вас не создавалось впечатление, что я только говорить умею, мне и хочется вниз спуститься, – спокойно заметил Гуров. – Значит, веревки никто не догадался захватить? Ладно, моя промашка. В следующий раз захватим.

– В следующий раз? – забеспокоился Калякин. – Вы опять сюда собираетесь, что ли?

– Обязательно, – сказал Гуров. – Но вы зря беспокоитесь. Вас я больше тревожить не стану. Признаться, разочаровали вы меня, мужики! Честно скажу, к себе в отдел я бы вас не взял. Поворачиваетесь вы долго.

Оба милиционера угрюмо молчали, отвернувшись в разные стороны. Гуров почувствовал, что сейчас он вряд ли сможет рассчитывать на симпатию даже покладистого сержанта. Но Гурова уже действительно начинали сердить их нарочитая безалаберность и равнодушие. Они не понимали простейших вещей и, кажется, ничуть из-за этого не расстраивались. Таков был их жизненный принцип, с которым Гуров никак не мог согласиться. Однако он опять заставил себя вспомнить о цели своей поездки и не стал развивать свою мысль.

– Занимайтесь старушками на базаре, – добродушно сказал он. – Пьяных ловите – или что вы там умеете... На каждого верблюда грузят столько, сколько он сумеет унести. Спасибо, хоть место показали.

– Пожалуйста, – вызывающе отозвался Савинов. – Значит, можно назад ехать?

– Ничего другого не остается, – сказал Гуров. – Лучше с охотником сюда съезжу. Может, он толковее вас окажется.

Обратный путь проделали в полном молчании, недовольные друг другом. Правда, в отличие от своих спутников, Гуров пытался про себя проанализировать ситуацию, задаваясь вопросом, не перегнул ли он палку с самого начала, и так ли уж виноваты его провинциальные коллеги, и на самом деле не дурное ли самочувствие всему виной.

Ни к какому окончательному выводу он так и не пришел. Почему-то накатовские служители закона вызывали у него какую-то подсознательную неприязнь. Оставалось надеяться, что с толковыми людьми ему еще предстоит встретиться.

Когда въезжали на окраину поселка, произошло небольшое происшествие, в очередной раз заставившее Гурова испытать неприязнь к сквернослову с пшеничными усиками. Заметив у крайнего дома с красной жестяной крышей небольшую толпу, Савинов хлопнул Калякина по плечу и что-то прокричал ему в ухо. Сержант притормозил, а Савинов, прыгнув с мотоцикла, искательно сказал Гурову:

– Я на секундочку, товарищ полковник! По службе... А то этих артистов сроду не поймашь... – и, не дожидаясь ответа, резво поскакал к мужчинам, собравшимся возле дома.

Гуров промолчал. Вмешиваться в дела чужой службы ему совсем не хотелось. «Был бы от этой службы толк хоть какой!» – с сомнением подумал он про себя.

– Цыгане! – с затаенной усмешкой пояснил Калякин. – Вредное племя. Житья от них нету. А у вас в Москве, я слышал, тоже проблемы?

– Бывает, – сухо ответил Гуров.

Вернулся Савинов и, усаживаясь на заднее сиденье, подтвердил слова Калякина.

– Это я с цыганами базарил, – сказал он. – Прошлой ночью драка в пивбаре была, одного блатного порезали. Говорят, цыгане. Только свидетелей, как всегда, нема... И эти тоже – ничего не знаем, ничего не ведаем... Противные морды! Моя бы воля – я их всех за сто первый километр!

– А ты, Савинов, еще и расист к тому же? – неприязненно спросил Гуров.

– Чего это я расист? – мрачно сказал в ответ милиционер. – Я правильно говорю. Волю им дали. Скоро русскому человеку дыхнуть нельзя будет. Вы что – не знаете – они и наркотой торгуют, и воруют что попало, и с оружием ходят...

– Ну, а милиция на что? – поинтересовался Гуров.

Савинов не ответил. Сержант, которому слова Гурова явно пришлись не по душе, газанул от души и погнал «Урал» по кривой улочке к центру поселка.

Гуров обернулся. Смуглые мужчины в мятых пиджаках внимательно смотрели вслед удаляющемуся мотоциклу.

Глава 4

Гуров распрощался с милиционерами, не доехав двух кварталов до управления. Его спутники восприняли такое решение с облегчением. Гуров казался им непонятным, а потому опасным. Лучше было держаться от него подальше.

Встретаться второй раз с полковником Заварзиным Гуров пока не собирался. Ему уже и так было ясно, что милиция в поселке с самого начала не придавала никакого значения смерти заезжего ученого. Дело было закрыто и благополучно забыто. Если бы не нагрянувший внезапно Гуров, больше о нем никто бы наверняка и не вспомнил. Злиться было бесполезно – эти люди действовали в пределах своей компетентности.

Гуров решил направить поиски в другое русло. В поселке были неравнодушные люди, и в первую очередь главный врач местной больницы. К нему Гуров и пошел.

Дмитрий Тимофеевич Шагин оказался громадным и мрачным человеком с испепеляющим взглядом. У него была абсолютно лысая голова и пудовые кулачищи. Даже в белом халате он производил впечатление не врача, а заматеревшего борца или боксера-тяжеловеса. Между тем он оказался вполне коммуникабельным человеком, и они с Гуровым как-то очень быстро и незаметно перешли на «ты».

– Ты понимаешь, я до сих пор простить себе этого не могу! – восклицал Шагин, уставясь в упор на Гурова своими жуткими глазами. – Как ни крути, а вина в смерти этого замечательного человека и на мне лежит! Не подними я волну, он ведь до сих пор жив был! Это же золотая голова, талантище, редкой души человек! Ну, а с другой стороны, как не поднимать волну? Как?!

Он подскочил в кресле и с грохотом распахнул дверцу книжного шкафа. На стол посыпались папки с бумагами, тяжелые как камни.

– Вот, полюбуйся! – рявкнул Шагин. – Это мои наработки по наболевшему вопросу, отчеты, доклады, статистика, письма во все инстанции... Ты скажи, почему всем стало наплевать на человеческую жизнь? Куда мы вообще катимся? Обратно в тридцать седьмой год?.. Я докладываю, что в районе катастрофически растет младенческая смертность, множатся врожденные уродства, люди страдают непонятными болезнями, а мне отвечают, что я создаю панические настроения!.. Как это назвать, я спрашиваю?

Гуров предпочел дипломатично промолчать.

– Хорошо еще, наверху остались порядочные люди, – продолжал Шагин. – Но они погоды не делают, к сожалению. Ты, наверное, в курсе, что мой старый студенческий друг – он теперь главный санитарный врач – все-таки нашел возможность меня выслушать? Даже комиссию организовал... А что толку? Приехали фанфароны, у которых одна забота – как бы свои белые ручки не запачкать, да перед начальством воздушные замки выстроить... Жалоба проверена – факты не подтвердились! Сволочи!.. Один порядочный человек был, который все понимал и что-то делал, – и того угробили!

– Ты это серьезно? – спросил Гуров, настораживаясь. – Ты в самом деле считаешь, что смерть Подгайского – это не несчастный случай?

– Да не верю я в случаи эти! – раздраженно бросил Шагин. – Какой, к черту, случай? Подгайский в корень проблемы вгрызся. Он сразу мне сказал, что в поселке экологическая катастрофа. Только причину найти не успел – не дали.

– Так, стоп! – предупреждающе сказал Гуров. – Давай по порядку. Что за катастрофа и кто не дал – конкретно.

Шагин развел огромными ручищами.

– Ну ты даешь! – изумленно сказал он. – Я над этой проблемой два года бьюсь, до сути докопаться не могу, а ты сразу – конкретно! Я бы и сам хотел знать конкретно. И Подгайский тоже. Видишь, что получилось?

– Получилось скверно, – согласился Гуров. – Но ты не меня не совсем понял. Может быть, я неточно выразился. Ну, допустим, не конкретно, но ведь какие-то подозрения, какие-то гипотезы у тебя, у Подгайского были? Кто виноват, короче говоря – может быть, здешний комбинат?

Шагин помотал головой.

– Комбинат, конечно, зараза, – сказал он. – Строился он в те времена, когда о здоровье людей заботилась партия и лично товарищ Леонид Ильич. Про экологию тогда никто и слыхом не слыхивал. Но с ним, по крайней мере, никаких неясностей нет. Они там минеральные удобрения производят – отравляют окружающую среду потихоньку, но в допустимых пределах. А сейчас у них вообще объемы производства сократились, так что комбинат – это только цветочки. Тут что-то другое...

– Может быть, соседство со Светлозорском сказывается? – предположил Гуров.

– А вот с этим сложнее, – наморщил лоб Шагин. – У меня тоже сомнения на этот счет имеются. Только я механизма не вижу. Далековато Светлозорск для такого мощного воздействия. Да и в самом Светлозорске, надо признать, статистика не такая удручающая... Нестыковка получается. Я уж грешу – не завелось ли тут у нас поблизости какое-нибудь оборонное предприятие особой секретности... Со всякими вредными выбросами, излучением и прочими прелестями. Ты ничего такого у себя там в Москве не слышал? – он испытующе посмотрел на Гурова.

– Нам, Дмитрий Тимофеевич, ничего такого не докладывают, – ответил Гуров. – Но, если ты прав в этом отношении, то дело худо, я думаю. Конечно, отступать не будем. Ответственность поднимем, ведомства... Ты, однако, скажи – в смерти Подгайского ты кого-нибудь подозреваешь?

Шагин почесал в затылке и с досадой бросил:

– Да кого я подозреваю! Чую я, что дело тут нечисто, и все!

– Чутье вещь хорошая, – кивнул Гуров. – Необходимая, я бы сказал, вещь. Но в конечном итоге работать все-таки удобнее с фактами. Что-нибудь по части фактов имеется?

Шагин с силой хлопнул тяжелой ладонью по кипе папок с бумагами.

– Тут, тут все факты! – сказал он. – Других у меня нет. Может быть, я и попробовал бы их поискать, но у меня на это просто нет времени. Больница много сил отнимает. Знаете, наверное, в каком состоянии находится сейчас медицина? Каждый литр бензина, каждый гвоздик – все приходится выбивать и выпрашивать! А тут еще из Светлозорска на меня с комиссиями навалились – вообще зарез! Через день ездят. Вот вчера опять на ковер вызывали... Думаю, снимать меня хотят.

– Снимать? – удивился Гуров. – За что?

– За что у нас всегда найдут, – ответил Шагин. – А подоплека, как я догадываюсь, все та же – сор из избы вынес. Теперь должен быть наказан – в назидание остальным – чтобы не высывались. Только ни хрена у них не выйдет! Обломают они об меня зубы. Я до генеральной прокуратуры дойду, до страсбургского суда! Мне бояться нечего – я особняков себе не строил, на Канарах не отдыхал, за каждую бюджетную копейку могу отчитаться...

– Значит, причины ваших бед все-таки в Светлозорске нужно искать, – задумчиво проговорил Гуров. – Почему-то я так с самого начала и подумал. Но Светлозорск большой, а в твоих бумагах я без специального образования и без эксперта вряд ли сумею разобраться... Поэтому начну-ка я с того, что мне знакомо. Нужно узнать, что послужило причиной смерти Подгайского. Мне кажется, тогда многое должно проясниться.

– Вот и я так же думаю! – горячо воскликнул Шагин. – А насчет бумаг ты зря – я тебе все объясню...

– Времени нет, – покачал головой Гуров. – Не моя это грядка. Ты мне лучше расскажи поподробнее, чем тут Подгайский занимался – куда ходил, с кем разговаривал, какие выводы тебе сообщал...

– Тут дело такое, – почесав в затылке, с сожалением сказал Шагин. – Мало мы с Константином Сергеевичем общались. Он с моими трудами ознакомился и с головой в работу ушел – пробы воды, грунта брал, с жителями беседовал, по лесам бродил – я так понимаю, источник загрязнения искал. Прочие же его коллеги ему ни в чем не помогали. Он вообще среди них как белая ворона был. Те просто чиновники, а он ученый был, увлекающийся человек. Но с выводами он не торопился – думал, что времени у него впереди еще много...

– Выходит, ты ничего вообще не знаешь? – вздохнул Гуров. – Жаль. Я так на тебя надеялся...

Шагин развел руками.

– Извини, – сказал он. – Вот такие дела. Кашу заварил, а расхлебывают, получается, другие... Я ведь тоже хотел-то как лучше. Думал, не буду мешать человеку – когда все выяснит, сам расскажет... Кто же знал, что все так обернется? Знать бы заранее – ни на секунду бы от него не отходил, все дела свои забросил...

– Знать бы, где упасть... – философски заметил Гуров. – Ладно, что выросло, то выросло. Но ты сам говоришь, Подгайский с людьми встречался. Как бы теперь мне с теми же людьми встретиться?

Шагин на минуту задумался.

– А ведь верно, – пробормотал он. – Такие люди есть, и они наверняка должны что-нибудь знать. Как же я сразу не сообразил, что тебе лучше с ними потолковать? Замыкаешься на своих заботах, на своем "я" – остальное как-то проходит мимо поля зрения. Вот и я не сообразил простой вещи – если мне Подгайский ничего не говорил, это вовсе не значит, что он никому ничего не говорил. Каюсь, сплеховал!..

– Да брось ты, Дмитрий Тимофеевич! – сказал Гуров. – Здоровый ты мужик и руководитель, наверное, крепкий, а тут раскис, как... И в том виноват и в этом... не бери все к сердцу, будь проще и чаще сплевывай! Вопрос об экологии ты правильно поставил и комиссии свое-временно добился. А то, что все закончилось трагедией, не твоя вина. Ты все-таки не господь Бог. Лучше припомни, с кем Подгайский имел здесь дело.

– Ну-у, знаю, что в администрацию он ходил – машину просил. Там ему мягко отказали – сослались на трудное положение, конечно. А, по-моему, все дело в том, что председатель комиссии заранее с администрацией условился, что проверка будет формальной, а Подгайский просто одержимый, на которого не стоит обращать внимания. Собственно, Подгайского это не удивило. Больше он, по-моему, никуда официально не обращался. Даже со своими коллегами старался не встречаться. Тем более они в Светлозорске осели. Слыханное ли дело – проверять приехали Накат, а устроились в Светлозорске! Ну, это к слову... А встречался Подгайский, я знаю, с Фомичевым – это наш учитель биологии, прекрасный человек! И ребята его уважают, и родители. Настоящий интеллигент. Вот он и мальчишки из биологического кружка помогали Подгайскому. Подробностей не знаю – сам спросишь. Но, когда его мертвого нашли, переживали все страшно! Ну, кто еще? Смига, охотник наш! Вот они с Подгайским постоянно общались. Еще Легкоступов... – Шагин слегка замялся. – Почему с ним, не знаю. Горький пьяница, забулдыга, можно сказать. Давно бы и дом свой пропил – только кому он тут нужен, этот дом? Ни семьи, ни работы – чем живет и зачем живет – непонятно. Только небо зря коптит. А ведь был когда-то хорошим летчиком, говорят, офицером! Что-то у него на личном фронте приключилось, какая-то трагедия...

Неожиданно Шагин оборвал свою речь и, поколебавшись, заговорил совсем о другом.

– Да, вот еще что! Чуть не забыл. Ты говоришь, какие у меня есть подозрения... А как тебе нравится тот факт, что труп Подгайского доставили к моему патологоанатому в одном исподнем? Он, что же, в трусах в лес ходил – так получается? Я полагаю, что кто-то снял с него верхнюю одежду. И тут уж одно из двух – или этот кто-то покуражился над мертвым, или ради этой одежды его убили. Но почему-то в милиции никто на это не обратил внимания. Или предпочел не обращаться?

– Ясно, – сказал Гуров. – С этим вопросом я обязательно разберусь... А вообще, спасибо за информацию – теперь какой-никакой, а круг очерчен. Можно начинать работать. А ты, Дмитрий Тимофеевич, не отчаивайся. Если такие, как ты, отчаиваться начнут – кто же страну спасать будет?

– Эх, Лев Иванович! – только и сказал в ответ Шагин.

Гуров пообещал, что будет поддерживать связь с главным врачом и в дальнейшем, а потом отправился разыскивать охотника Смигу по тому адресу, который значился на листке из настольного календаря полковника Заварзина.

Это оказалось не таким простым делом, потому что, как выяснилось, Смига жил у черта на куличках – даже не на окраине поселка, а несколько в стороне от него, на некотором подобии хутора, окруженного с трех сторон сосняком.

Из-за высокого деревянного забора доносился звон металлического ведра, кудахтанье кур и неразборчивый женский голос, увещевавший кого-то. Гуров толкнул калитку и вошел во двор.

Две громадных овчарки в два прыжка подскочили к нему и оглушили громовым лаем. Гуров усилием воли заставил себя не суетиться и замер на месте. Собаки тоже остановились в шаге от непрошеного гостя, грозно рыча и роняя горячую слюну.

– Казбек! Улан! На место, фу!

Навстречу Гурову от раскрытого курятника торопливо шла женщина с озабоченным, темным от загара лицом. На ней была старая телогрейка, выцветшая сатиновая юбка и калоши на босу ногу. Голова была повязана серым платком. На вид женщине было лет сорок пять.

Голос ее подействовал на овчарок как щелчок бичом. Они прижали уши и, смерив Гурова неприязненным взглядом, отошли в сторону. Гуров почувствовал себя значительно лучше.

– Здравствуйте, – сказал он, улыбаясь. – А у вас защитники хоть куда! Честно скажу, у меня даже ноги отнялись.

Женщина не приняла шутивого тона и ответила хмуро:

– Нам без защитников нельзя. На отшибе живем. А вы по делу или адрес спутали? – она изучающе разглядывала гостя, явно не испытывая от его визита ни малейшей радости.

– Возможно, и спутал, – покладисто сказал Гуров. – Я ведь не местный. Вообще-то я разыскиваю Смигу Павла Венедиктовича. Он не здесь живет?

– Ну, здесь, – ответила женщина, но взгляд ее при этом не сделался ни капельки теплее. – А чего вы хотели?

– Поговорить мне с ним нужно, – сказал Гуров. – Могу я его увидеть?

– Не можете, – отрезала женщина. – Нет его. В лесах он.

– А когда появится? – не отставал Гуров.

– А я знаю? – парировала хозяйка. – Он мне не докладывается. Хочет – уходит, хочет – приходит. Иной раз по две недели шляется.

– Понятно, – улыбнулся Гуров. – А в этот раз давно он ушел?

– Да уж девятый или десятый день, пожалуй, – неласково сказала женщина. – А что это вы все спрашиваете? Я, между прочим, не знаю, что вы за человек!

– Это верно, – согласился Гуров и достал из кармана удостоверение. – Гуров Лев Иванович. Из Москвы. Вот мои документы.

Предварительно отерев ладони о полы ватника, женщина недоверчиво взяла удостоверение и, шевеля губами, прочитала, что там написано. После этого на лице ее появилось выражение крайней растерянности, и она поглядела на Гурова совсем уже по-другому – робко и виновато.

– Ой, – сказала она смущено. – Вы вон какая важная птица, оказывается! А я вас за шаромыгу приняла – вот беда! Простите уж ради бога!

– Это вы меня простите, что вторгаюсь в ваши владения и отвлекаю от дел, – ответил Гуров. – Смотрю, у вас тут целое хозяйство! И вы одна справляетесь?

– Ясно, одна, – кивнула хозяйка. – Кто же еще? Конечно, Павел Венедиктович тоже. Но он у нас дома не любит сидеть. Чистый цыган! – на ее губах впервые появилась улыбка.

Вдруг спохватившись, она потянула Гурова за рукав.

– Да чего же я вас тут мариную? Идемте в дом! Я вас чаем с вареньем угошу!

Гуров не стал протестовать и вскоре уже сидел на уютной чистой кухне перед накрытым столом и слушал преобразившуюся хозяйку. Она успела не только все приготовить, но переодеться, распустить волосы и даже слегка подкраситься, чего Гуров от нее уж никак не ожидал.

В красивом новом платье, с густыми каштановыми волосами до плеч женщина казалась совсем другой. «А она еще вполне ничего, – удивленно подумал Гуров. – А ведь говорили, что муж у нее чуть ли не пенсионер! Хотя, может, именно поэтому ей и хочется пококетничать перед незнакомым мужчиной...»

– Вас как зовут-то? – добродушно спросил он. – Вы ж так и не представились.

– Ой, верно! – хозяйка слегка покраснела. – Марией меня зовут. Можете Машей звать. Только мне, по правде говоря, мое имя совсем не нравится. Я бы хотела, чтобы меня каким-нибудь необычным именем звали. Глорией, например, или даже Скарлетт... – мечтательно закончила она. – Здорово бы было, правда?

– Вы, наверное, книги любите читать? – улыбаясь, сказал Гуров. – А насчет имени не знаю... Мне лично Мария нравится гораздо больше, чем какая-то посторонняя Скарлетт.

– Не скажите, – покачала головой Мария. – Мне даже кажется, что если бы у меня другое имя было, у меня бы и жизнь по-другому сложилась, а не так, как... – Она отвернулась и безнадежно махнула рукой.

– У вас какие-то проблемы, Маша? – осторожно спросил Гуров. – Может быть, я могу чем-то помочь?

– Да чем же помочь? – иронически отозвалась женщина. – Жизнь прожита... А как и не видала ее, – вдруг в глазах ее мелькнул озорной огонек, и она добавила с вызовом: – Разве что возьмете и в Москву меня увезете? Что, не хотите? Не нравлюсь?

Гуров даже поперхнулся от неожиданности. Он смущенно прокашлялся, а потом с натянутой улыбкой сказал:

– А у вас язычок! Любого в тупик можете поставить. Я ведь, Мария, тоже уже не мальчик, чтобы судьбу менять. Поэтому откровенно скажу – в Москву увозить вас не стану. Даже если вы мне понравитесь до полусмерти. С этим вы как-нибудь сами разбирайтесь...

– Ну вот, а говорите, что можете помочь! – насмешливо проговорила Мария. – Не хвалитесь заранее!

– Больше не буду, – пообещал Гуров. – Научен уже. Но вообще-то я имел в виду проблемы иного характера. Я слышал, вашего мужа считают в поселке человеком странным. Наверное, случаются какие-то конфликты?

– У кого они не случаются? – вздохнула Мария. – А вы что же, из Москвы приехали наши конфликты решать?

– В каком-то смысле так оно и есть, – сказал Гуров.

– Интересно, – покачала головой Мария. – Сами, значит, уже не справляемся... А что касается Павла Венедиктовича – человек он, между прочим, хороший. А что странности – так

у нас тут половина жителей с прибабахом. А Павел Венедиктович поумнее, может, их всех. Вот, например, он раньше докторов понял, что в поселке с водой неладно. Так мы, между прочим, здешнюю воду с ним вообще не пьем, даже мыться стараемся пореже – уж извините за откровенность! Здоровье дороже.

– Простите, не понял, – сказал Гуров. – В первый раз слышу, чтобы причиной неблагополучия в поселке конкретно называли воду. Это что же – вывод комиссии?

– Да нет же! – досадливо сказала Мария. – Я же объясняю – Павел Венедиктович сам во всем разобрался. Раньше докторов и комиссий всяких. За животными наблюдал, за лесом, за людьми тоже... Он давно сказал, что здешняя вода чем-то отравлена и пользоваться ей нельзя. Она не сильно отравлена, но с каждым годом становится все хуже. А мы себе воду за семьдесят километров возим – вон с той стороны, – она неопределенно махнула рукой. – Там источники другие, и там все в порядке. Павел Венедиктович раз в месяц машину нанимает, мужиков и едет за водой. Нам ведь не больно много надо – скотины мы крупной не держим...

– Интересно, – покачал головой Гуров. – А он кому-нибудь сообщал о своем... открытии?

– Сообщал, а как же? – равнодушно сказала женщина. – Поэтому его за дурачка тут и держат. И еще за воду эту. Которую за семь верст возит... Да плевать – здоровье дороже.

– Это верно, – сказал Гуров. – Здоровье дороже. Надо понимать, у вас с Павлом Венедиктовичем со здоровьем все в порядке? Это я в порядке любознательности спрашиваю, потому что общая ситуация в поселке...

– Павлу Венедиктовичу уже седьмой десяток, – спокойно сказала Мария. – А он любого молодого в тайге загонит. Сами соображайте – может больной человек две недели в лесу выдержать?

– Не в бровь, а в глаз, – заключил Гуров. – Сдаюсь. И поскольку у нас с вами полное примирение, может быть, вы мне расскажете подробнее о трех важных вещах?

– Смотря что за вещи, – лукаво заметила Мария.

– Нет, я буду спрашивать о серьезных вещах, – предупредил Гуров. – Во-первых, что вы знаете о том, при каких обстоятельствах ваш муж нашел в лесу тело московского ученого Подгайского – вы не могли об этом не слышать... Во-вторых, какие отношения были у вашего мужа с Подгайским? Они ведь встречались и разговаривали, вы знаете? И в-третьих, когда вы все-таки ждете возвращения Павла Венедиктовича?

Пока Гуров говорил, Мария смотрела на него с каким-то благоговейным испугом, а потом, облегченно вздохнув, сказала:

– Уф! А я уж боялась, что вы никогда не кончите и я вообще ничего не пойму... Сижу дура душой. Гладко вы говорите! У нас тут никто так не может. Ну, если только некоторые... А насчет отношений моего мужа ничего не знаю. Вы, конечно, удивляетесь, а ничего удивительного нет – так уж у нас заведено. Со мной мужские дела не обсуждаются. Павел Венедиктович вообще молчун, а уж насчет каких дел – упаси боже! Никогда и ничего! Мое место – на кухне вон, в курятнике... – в голосе ее послышалась глубоко затаенная обида.

– Сочувствую вам, – испытывая неловкость от чужой откровенности, сказал Гуров. – Значит, вы абсолютно ничего не знаете?

– Про ученого вашего ничего, – подтвердила Мария. – А про мужа... Могу только сказать, как он в лес собирался. Он еще первый раз дня на три уходил. С собой много набрал, будто на двоих рассчитывал. Я уж думала, опять на полмесяца пропадет. А он скоро вернулся, сердитый такой, и сразу начал опять собираться. Я его спрашиваю – куда, а он одно знай – не твое дело! В этот же день и ушел – к вечеру.

Гуров испытал непонятное волнение.

– Мария, постарайтесь вспомнить, какого числа это было? Ну, когда он вернулся и опять ушел?

Женщина испугалась его тона и тотчас будто постарела. От ее слегка игривого настроения не осталось и следа. С тревогой всматриваясь Гурову в глаза, она медленно проговорила:

– Господи, да в чем дело-то? Убил он кого, что ли? Вы так прямо и скажите, а нечего тут душу тянуть... Когда ушел, когда пришел... Откуда я сейчас помню? Хотя, постойте, это же в тот самый день было, когда в лесу покойника нашли! Точно!

Она ахнула и, будто спохватившись, зажала ладонью рот. Тревога в ее глазах превратилась в настоящий ужас. Она прошептала:

– Это муж того ученого убил, да?..

– Ну что вы такое говорите! – возмущено откликнулся Гуров. – С чего вы это взяли? Выдумываете неизвестно что! Во-первых, никто никого не убивал, а во-вторых, перестаньте фантазировать! Давайте по существу... Значит, вы уверены, что муж ваш вернулся из леса двадцать третьего августа и в тот же день к вечеру ушел опять? Не помните, в каком часу он появился?

– Да к обеду примерно, – тихо сказала Мария. – Покушал наскоро, собрался...

– Дело в том, что покойника именно ваш муж и обнаружил, – объяснил Гуров. – Он же и в милицию сообщил. Кстати, помогал милиционерам труп из штольни поднимать. Неужели он ничего вам об этом не сказал?

– Ни словечка, – печально ответила Мария. – Только я сама догадалась, что какая-то беда случилась. Злой он был, расстроенный... И озабоченный тоже. Торопился, когда собирался... Да, может вам интересно – и собаку он взял, Пиночета. Это овчарка у нас. Злющая – ужас! А обычно ведь он без собаки ходит.

– Выходит, опасался чего-то? – спросил Гуров. – С овчаркой вроде ведь не охотятся?

– А кто его знает, может, и опасался, – сказала Мария. – Наверное, опасался. У меня сейчас будто глаза открылись. Павел Венедиктович у нас не робкого десятка, а тут вроде как не в себе был... Верно, опасался он чего-то! И чего же теперь делать? Где он теперь?

– Не знаю, Мария, – сказал Гуров. – Но если он появится, скажите ему, чтобы сразу меня нашел. Я в гостинице живу – пятнадцатый номер. Обязательно скажите!

Глава 5

Вернувшись в гостиницу, Гуров первым делом позвонил Заварзину. Идти в управление ему совсем расхотелось, и он надеялся, что удастся договориться с начальником милиции заочно. Полковник оказался на месте, но к просьбе Гурова отнесся неожиданно сдержанно.

– Говоришь, хочешь завтра еще раз посмотреть штольню? – задумчиво спросил он. – Ну что же, может, ты и прав. Согласен, мои люди действовали не слишком профессионально. Но ты имей в виду, что здесь не Москва, а Накат. Совсем другой уровень! Приходится работать с теми кадрами, какие есть. А вот транспорт вряд ли смогу тебе завтра выделить... Все машины в ремонте, представляешь? А что поделать – парк изношен до крайности – и никому нет никакого дела! Мотоцикл?.. Так после вашей поездки Калякин с ним возится – что-то с мотором. Если починит... Но на твоём месте я бы все-таки не рассчитывал на завтра. Давай послезавтра, а? Послезавтра я тебе найду машину – слово даю!

Гурову надоело выслушивать этот словесный поток, и, чтобы отвязаться, он согласился на послезавтра. Его покладистость привела Заварзина в восторг, и он с облегчением распрощался.

Далее Гурова ждал сюрприз. На просьбу выдать ему ключ от номера Гуров получил неожиданный ответ от Алевтины Никаноровны.

– Так это... ключ-то ваш я отдала... – неуверенно сказала она. – Сами же предупредили, что знакомый ваш приедет. Вот я и отдала. Фамилию вашу он назвал, сам из Москвы тоже... Может, что не так сделала?

– Все так, милейшая Алевтина Никаноровна! – радостно ответил Гуров и поспешил в номер.

Стас Крячко уже валялся на постели, задрав ноги в разношенных полуботинках на спинку кровати. Увидев Гурова, он мгновенно поднялся и с восторженным ревом обнял друга, словно не видел его несколько месяцев.

– Ну, здравствуй! – сказал Гуров, постепенно освобождаясь из его медвежьих объятий. – Как добрался? Голоден, наверное? Я тоже сейчас от обеда не отказался бы... Правда, искусство здешних поваров оставляет желать лучшего и вообще...

– Любая закуска приобретает благородный вкус, когда принимаешь ее под рюмочку «Смирновской»! – жизнерадостно объявил Крячко. – А я с собой захватил! Я подумал – мало ли какую гадость могут здесь подсунуть. Вот и подстраховался на всякий случай... Значит, сейчас тяпнем за встречу...

– Погоди, остынь, – прервал его излишняя Гуров. – Ты для чего сюда приехал? Работы по горло, а ты со своей «Смирновской»! Ладно еще вечером... Да и то, скажу тебе откровенно, никакого желания на это дело. Никогда я на самочувствие не жаловался, а здесь совсем раскис. На себе чувствую – что-то в поселке не то...

– Как это чувствуешь? – с любопытством спросил Крячко. – Пятна по телу пошли? Или, может, понос? Воду здешнюю пил – из-под крана?

Гуров подозрительно посмотрел на него.

– А ты откуда про воду знаешь? Догадался?

– Как же, догадался! – сказал Крячко, снова укладываясь на кровать. – У меня информация... В воде вся суть дела! И Подгайский из-за нее пострадал, больше ни из-за чего. Это мое глубокое убеждение.

– Ты говори толком! – рассердился Гуров. – Откуда информация?

– Ну, я же остался для чего? Окружение Подгайского прощупать, – сказал Крячко. – Ну, и прощупал... В целом результаты, можно сказать, нулевые. Ну, рассказали мне биографию раз десять, научные труды перечислили, объяснили, какой был честный, бескомпромиссный

ученый – светило, одним словом... Я без насмешки, ты не думай – просто нам с тобой все это мало что дает, верно? С родней вообще разговаривать бесполезно было – они все до сих пор в шоке. Вообще такое впечатление, что этой смерти никто не ожидал. Никаких предпосылок. И последнюю командировку, судя по всему, ни Подгайский, ни его близкие не воспринимали как нечто фатальное. Он уже не первый раз выезжает с комиссиями в неблагополучные регионы – никогда никаких проблем.

– А про воду откуда узнал? – нетерпеливо спросил Гуров.

– Подожди, – поморщился Крячко. – Теперь про воду. Встречался я с одним коллегой Подгайского – можно сказать, с его близким другом – с Варенцевым Леонидом Ивановичем. Сначала он ко мне неважно отнесся – как к менту позорному, – но ты же знаешь, что я с любым общим язык найду. В общем, отксерил он мне письмо Подгайского, которое тот отсюда отправил. А в письме Подгайский все свои здешние перипетии описывает, все свои научные выводы относительно экологии в Накате. Я, конечно, в этой абракадабре половину ни хрена не понял, но суть примерно следующая... Взял он тут кое-какие пробы и пришел к выводу, что уже в течение трех-четырех лет в подземных водах идет накопление какого-то вредного агента. Там еще химическая формула была на полстраницы – если хочешь, можешь ее себе срисовать – я ксерокопию тебе специально привез... Ну, и вроде агент этот может быть только антропогенного происхождения, как результат человеческой деятельности то есть. Значит, как полагает Подгайский, где-то рядом с поселком должно существовать какое-то вредное производство. Но это не химкомбинат. Такого агента там быть не может.

– А где же этот агент может быть? – перебил его Гуров. – Этого Подгайский не написал?

– Представь себе, написал, – сказал Крячко. – Это химическое вещество возникает при производстве высокопрочных пластмасс и стойких красителей. Производство это высокотехнологичное – смешно думать, что где-то тут в лесу за последние годы возник современный химзавод. Я специально задержался немного в Светлозорске и навел справки о тамошних предприятиях, – он торжествующе посмотрел на Гурова и объявил: – Там есть такой химзавод! Теперь он в частном владении и уже года три как процветает. Объемы производства растут, экспорт растет, доходы соответственно... Тебе это ни о чем не говорит?

– Между Светлозорском и Накатом не менее десятка деревень, – задумчиво сказал Гуров. – Однако там караул никто не кричит... Или просто никто не слышит?... Да нет, в самом Светлозорске картина не такая уж печальная. Если верить статистике, конечно.

– Правильно, – кивнул Крячко. – Потому что интересующий нас химический агент не попадает в тамошние водоисточники. Это химическое вещество, грубо говоря, отход производства. Куда его выбросят, там он и будет отравлять все вокруг.

Гуров пораженно уставился на него и пробормотал:

– Куда его выбросят, там он и будет отравлять... Куда выбросят... Слушай, так, может, Подгайский где-то здесь свалку химических отходов нашел? Может, в этом все и дело?

– Судя по содержанию письма, еще не нашел, – с сожалением сказал Крячко. – Но предположения у него такие были. Он даже запрос на дирекцию Светлозорского химзавода сделал относительно того, куда они сплавляют свои отходы, коих, кстати, должно быть порядочное количество.

– И каков был ответ? – поинтересовался Гуров.

– Неизвестно, – откликнулся Крячко. – В письме об этом ничего нет. Видимо, ответ еще не получен. Может быть, глава комиссии что-нибудь знает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.